

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

ДОСТОЕВСКИЙ: ОБ ИТОГАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ
(вместо предисловия)

Столетие со дня смерти Достоевского способствовало появлению и в СССР, и за рубежом многочисленных новых работ о жизни и творчестве писателя. Но дело отнюдь не только в большом числе этих работ, хотя уже самая многочисленность и разнообразие их свидетельствуют о постоянно возрастающем интересе к жизни и сочинениям великого русского писателя. Каждый новый этап современной общественной жизни ведет к углублению наших представлений о социальных, культурных и художественных традициях прошлого. Это всецело относится и к наследию Достоевского. И хотя еще не пришло время давать полную, законченную оценку всей той критической и научной литературы о Достоевском, которая вышла в 1981—1982 гг., все же сейчас можно оценить те основные общие итоги и перспективы, важные для изучения Достоевского, которые пришло с собой чувствовавшие его памяти.

Уже само число изданий сочинений Достоевского в разных странах и на разных языках мира дает представление о поистине исключительном международном значении его наследия. В СССР в 1981—1985 гг. вышли тома 21—28 академического Полного собрания сочинений Достоевского, содержащие первое полное критически проверенное и научно прокомментированное издание «Дневника писателя» за 1876, 1877 и 1880—1881 гг. Параллельно в издательстве «Правда» силами того же коллектива, который подготовил вышедшие и продолжает готовить новые тома академического Собрания сочинений, осуществлено (в качестве приложения к журналу «Огонек») шестисоттысячным тиражом издание собрания художественных произведений Достоевского (включающее все романы и избранные повести писателя) с иллюстрациями художника И. С. Глазунова. Новые собрания сочинений Достоевского, приуроченные к юбилейной дате, начаты и успешно осуществляются также в НР Болгарии и ГДР. Кроме того, как в СССР, так и за рубежом, в том числе в США, Франции, ФРГ,

Японии в 1981—1982 гг. вышел целый ряд отдельных изданий повестей и романов Достоевского, в том числе — «Села Степанчиковова», «Униженных и оскорбленных», «Записок из Мертвого дома», «Преступления и наказания», «Идиота», «Подростка», «Братьев Карамазовых».

Широкий интерес ученых вызвали всесоюзные и международные научные конференции и симпозиумы, посвященные Достоевскому: в Москве, в Институте мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (февраль 1981 г.), в научном центре София—Антиполис (Вальбоана, Франция, июль 1981 г.), в Ноттингеме (Великобритания, октябрь 1981 г.), Мюнхене (ФРГ, октябрь 1981 г.), в Ленинграде — в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (октябрь 1981 г.) и в мемориальном Музее Ф. М. Достоевского (ноябрь 1981 г.), Белграде (Югославия, декабрь 1981 г.), Будапеште (НР Венгрия, январь 1982 г.) и Лейпциге (ГДР, апрель 1982 г.). Многие материалы этих научных конференций и симпозиумов опубликованы, другие еще печатаются и также станут вскоре достоянием широкой международной общественности. Достоевскому был посвящен в основном также советско-японский научный симпозиум по истории русской литературы, состоявшийся в декабре 1981 г. в Москве, в Институте мировой литературы им. А. М. Горького.

Значительный интерес представляют размышления о Достоевском и о его значении для современности крупных мастеров советской и зарубежной литературы и искусства, опубликованные в связи со столетней годовщиной смерти писателя, — размышления А. Адамовича, Ч. Айтматова, Ю. Бондарева, Д. Грапина, Г. Горбожеского, В. Распутина, Л. Леонова, С. Слонимского, пыле покойного Ю. Трифонова, Э. Колдувала (США), А. Мердок (Великобритания), А. Бозапке, А. Труайя (Франция), Г. Канта (ГДР), С. Мукаржи (Индия), П. Корреа Васказ (Панама) и др. Широкий отклик у нас и за рубежом получил обмен мнениями ученых и критиков о мировом значении Достоевского, организованный редакцией журнала «Иностранная литература», как и посвященный Достоевскому специальный номер журнала «Советская литература» на иностранных языках, открывающийся статьей академика М. Б. Храпченко.

Вполне понятно, что истолкование творчества Достоевского, даваемое разными современными художниками и критиками, как и воздействие его на современную мировую литературу, — темы, требующие серьезного аналитического подхода. Творчество Достоевского многоаспектно, и, равно как ученые, так и художники, разные по направлению своих исканий и по темпераменту, по масштабам своего дарования, по психологическому облику, симпатиям и интересам, склонны отдавать преимущественное внимание, выдвигать на первый план не одинаковые, разные стороны его художественного мира и его идейных исканий. С этой точки зрения заслуживают серьезного внимания и оценки каждая научная статья, критическое эссе, книга, живописное или

музыкальное произведение, роман или исследование о Достоевском, основанное на углубленном, уважительном подходе к жизни и творениям великого русского романиста. Но в то же время нельзя забывать и о другом — произведения Достоевского живыми нитями связаны с современностью, а поэтому его наследие является в наши дни (как это было и в прошлом) предметом ожесточенной идеологической и политической борьбы. В этой борьбе непримиримо противостоят друг другу социальный прогресс и реакция, мир социализма и мир капитализма, силы, которые несут человечеству мир и свободу, и силы, грозящие ему войной, ядерной катастрофой и гибелью цивилизации.

Поэтому в нашем сегодняшнем отношении к Достоевскому нет и не может быть места благодушной всепримлемости и успокоенности. Ибо художественный мир Достоевского, как хорошо сознавал сам великий писатель, — это мир напряженных страстей и противоречий, мир, который по самой своей природе не терпит правдивой успокоенности и пустых, сладкоречивых фраз. И эта особенность творчества Достоевского не могла не получить отражения в напряженной борьбе мнений, получившей непосредственный, живой отклик в обширной научной, критической и художественной продукции, которую вызвало к жизни чествование его памяти в дни столетней годовщины со дня смерти великого русского романиста.

Мы не можем оставаться равнодушными к проявлениям исторической фальши и к отступлениям в оценке наследия Достоевского от общих принципов ленинского отношения к культурному наследству также и в нашей советской печати. И не случайно, а закономерно выступления газеты «Правда», журнала «Коммунист» и ряда других органов советской печати против забвения четких социальных классово-исторических критериев в оценке произведений Достоевского, как и вообще классиков русской и мировой литературы.

Говоря в предыдущем томе серии «Достоевский. Материалы и исследования» об очередных задачах изучения Достоевского, мы особенно подчеркивали — наряду с необходимостью создания новых, обобщающих трудов о нем — насущную потребность нашей сегодняшней науки в разработке нового фактического материала о жизни и творчестве писателя (в особенности относящегося к таким сравнительно малозученым периодам его жизни, как время учения писателя в Инженерном училище в 1847—1848 гг., годы жизни Достоевского в Сибири, первый период после возвращения в Петербург (1860—1865)), а также в создании полной, критически проверенной и уточненной летописи его жизни и творчества. Это побудило редакцию отвести в настоящем сборнике значительное место новым архивным материалам о Достоевском и его сибирском окружении, почерпнутым из фондов Омского и Барнаульского архивов, а также различного рода дополнениям и уточнениям к комментариям Полного собрания его сочинений.

О том, какой широкий простор открывает для углубленного анализа творческого метода Достоевского изучение русской периодики XIX в., свидетельствует печатаемая в настоящем томе статья В. Е. Багго. Интересно также наблюдение, дополняющее то сравнительно немногое, что известно нам о творческой истории повести Достоевского «Двойник», которое сделал американский ученый Дж. Райс.¹ Он обратил внимание на биографию профессора медицинского факультета Московского университета, выдающегося русского врача и философа И. Е. Дядьковского (1784—1844), написанную его учеником К. Лебедевым и предложенную изданной посмертно первой части руководства Дядьковского «Практическая медицина»,² равно как и на анонимную рецензию на эту книгу в сентябрьском номере «Отечественных записок» за тот же год. Автор «Практической медицины» был знакомым и коллегой двоюродного деда Достоевского со стороны матери В. М. Котельницкого, а также отца писателя, с которым Дядьковский одновременно учился в Московской медико-хирургической академии и работал в госпитале в 1812 г. Поэтому имя Дядьковского должно было быть известно автору «Двойника» с детских лет. Биография Дядьковского, составленная Лебедевым, была одобрена цензором 25 октября 1844 г. и вышла из печати весной следующего года, незадолго до начала работы Достоевского над «Двойником».

В биографии своего учителя К. Лебедев писал: «На осьмом году жизни Дядьковскому было явление, чрезвычайно редкое в жизни человеческой. Бегая в саду после учения, он был позван матерью обедать и, на бегу, не достигнув дома, вскричал необыкновенным голосом и упал на землю. Мать на крик тотчас выбежала в сад и нашла сына лежащего без чувств. Помещениями матери он был приведен в себя и на вопрос: отчего так вскричал и упал, отвечал, что, когда бежал, ему навстречу попался другой он».

Эта весть была весьма горестна для родителей, кои в простоте сердца поверили, что сын их должен скоро умереть. С этого времени двойник Дядьковского начал являться весьма часто и большею частью, когда он сидел за учебным. Мальчик Дядьковский мало-помалу привык к своему двойнику и наконец стал пристально каждый раз в него всматриваться и находил его всегда

¹ См.: Rice James L. Dostoevsky's Medical History: Diagnosis and Dialectic. — Russian Rev., 1983, vol. 42, № 2, p. 131—161.

² Практическая медицина. Рассуждение о действии лекарств на человеческое тело, и биография профессора Иустина Дядьковского, изданные доктором медицины Козьмою Лебедевым. В университетской типографии. М., 1845. — Целиком три выпуска части первой «Практической медицины» Дядьковского вышли в 1845—1846 гг. Ср. о Дядьковском: Большая медицинская энциклопедия, 1959, т. 9, с. 959—960. Дядьковский специально занимался вопросами о воздействии душевных состояний на физическую природу человека, на возникновение и лечение внутренних болезней. В 1836 г. он был отстранен от педагогической деятельности за пропаганду в лекциях материалистических воззрений.

точно в том же положении, в каком был сам; двойник подвергался по времени тем же переменам, каким подвергался его первообраз. С 20-летнего возраста Дядьковского двойник его начал являться все реже, и в последний раз Дядьковский видел своего двойника в 1824 году, отмеченного на правой стороне головы седым, величиною в полтинник, кружком, обратившим внимание Дядьковского, который действительно увидел на голове седой кружок, до этого им не замеченный.

Об этом видении Дядьковский много раз рассказывал в беседах со своими знакомыми и обещал даже изложить собственные мысли о происхождении и значении двойников. Были ли изложены мысли Дядьковского о двойнике — мне не известно.

Относительно же вообще явления двойников должно заметить то, что они сопутствуют людям, в высшей степени награжденным от природы отличными душевными способностями и с горячею любовью стремящимися к приобретению знаний. Знаменитый Гете также видел своего двойника.³

Последнее утверждение Лебедева вызвало возражения у рецензента «Отечественных записок». Изложив приведенный рассказ о двойнике, которого видел и о котором рассказывал знакомым Дядьковский, рецензент журнала писал: «Мы не сомневаемся, однако ж, с г-ном Лебедевым, что двойники сопутствуют людям, в высшей степени награжденным от природы отличными душевными способностями <...> потому-де, что и знаменитый Гете также видел своего двойника. Подобное объяснение годится только для прославления своего учителя, но уничтожается фактами: некоторые люди, вовсе незначащие, также видели своих двойников».⁴

Хотя рецензия на биографию Дядьковского в «Отечественных записках» появилась уже после того, как Достоевский начал творческую работу над повестью, последнее полемическое утверждение рецензента заслуживает особого внимания, так как непосредственно перекликается с ее содержанием.⁵

Приведем и еще один любопытный пример сложного переосмысления Достоевским материала периодической печати. В отделе смеси № 3 журнала «Библиотека для чтения» за 1848 г. была помещена следующая весьма скромная заметка, которая,

³ Практическая медицина... и биография проф. И. Дядьковского... с. 1—2.

⁴ Отеч. зап., 1845, № 9, отд. VI, с. 8.

⁵ Кроме рецензии «Отечественных записок», первый выпуск книги Дядьковского (с биографией Лебедева) вызвал в 1845 г. ряд других отзывов в печати (в том числе в петербургском «Современнике»). Лебедев отвечал рецензентам «Отечественных записок» и «Современника» в двух статьях «Вместо предисловия», предпосланных второму и третьему выпускам «Практической медицины» Дядьковского (с. I—XXXII). В первой из этих статей, отвергая данную рецензентом «Отечественных записок» характеристику врачей как «служителей и поклонников грубейшего материализма», биограф Дядьковского вторично возвращается к вопросу о двойнике, которого видел Дядьковский (с. III).

по-видимому, обратила на себя внимание молодого Достоевского и надолго ему запомнилась:

«Зимний сад в Париже. Прочитав фельетоны Теофиля Gautier и других, вы подумаете, что это — сады Армиды или, на худой конец, Магомстов рай, переведенный на христианские нравы. Oh, la blague française!.. Это, просто, плохая оранжерея. Пройдя картинную галерею, собравшие всякой малевашной дряни, вы вступаете в сад, то есть, в большой стеклянный сарай, где ветер свистит в щели, где пар горячей воды поднимается облаками, где все мокро и сыро, стулья, кресла, растения, посетители — целый мир обливаемый нбтом — целая атмосфера банного воздуха. Гуляющие сердиты за обман своих ожиданий, цветы несчастны и стыдятся своих ярлычков: вы думали найти по крайней мере выставку растений, а находите только выставку латинских ботанических названий. Земля здесь — асфальт, зелень — тусклые широколиственные кустарники, солнце — огромные камни с каменным углем, скалы — дюжина камешков, укрепленных в доске, на которой наклеен мох. Эффект необыкновенный. Парижские bourgeois, указывая пальцами, говорят своим épouses: „Вот Швейцария!“ По архитектуре — столбиков — решеток — галерей, пресного; журналов еще больше, напаче журналов провинциальных, которых никто не читает.

Да! — я забыл! — есть лоскуток муравы, по которому ходить запрещается. К счастью, никому и не хочется посягнуть на запрещенный плод.

Таков Зимний Сад в Париже — le jardin d'hiver!»⁶

Ироническое «обыгрывание» цитированной заметки мы встречаем в «Зимних заметках о летних впечатлениях», а может быть, и в «Дневнике писателя» за 1876 г. Насмешливое определение типичных, заурядных мужа и жены из семьи парижских буржуа — «пузы» — и их желания провести воскресный день «на травке», заменившее у современного городского человека радость живого, постоянного общения с природой; мечта не о «плохой», искусственной оранжерее, а о превращении Земли в цветущий Сад для обновленного и возрожденного человечества — все это можно рассматривать в какой-то мере как позднейший глубокий полемический отклик великого писателя на вызвавшую у него в молодые годы горячее негодование заметку, прочитанную в одном из русских журналов 40-х гг.

Соплемея на еще одно наблюдение, которое иллюстрирует нашу мысль о необходимости «медленного», вдумчивого, углубленного изучения русской журналистики 40—70-х гг. XIX в. для лучшего понимания полемического смысла многих страниц романов Достоевского.

В 1863 г., торжествуя по поводу запрещения Александром II журнала братьев М. М. и Ф. М. Достоевских «Время», запреще-

⁶ Библиотека для чтения, 1848, т. 87, март, отд. 7 («Смесь»), с. 14.

ния, инспирированного охранителем устоев самодержавия издателем «Русского вестника» М. П. Катковым, который добровольно присвоил себе в пору начавшейся к этому времени правительственной реакции роль своеобразного диктатора, выполнявшего «полицейские обязанности в литературе», Катков педантически заявил, обращаясь к Ф. М. Достоевскому и имея в виду его «почвенническую» программу:

«Народные начала! Коренные основы? А что такое эти начала? Что такое эти основы? Где их взять? Что за зверь эти начала и эти основы? <...> Коль скоро вы, по совести, должны сознаться, что при этих и подобных словах в голове вапней не рождается столь же ясных и определенных понятий, как при имени хорошо известного вам предмета, то бросьте эти слова, не употребляйте их и заткните уши, когда вас будут погчевать ими. <...> Мы должны дорожить нашею цивилизацией, а не бросать ее, под тем предлогом, что мы ее заимствовали, а не выработали из народных начал. Все друг у друга заимствуют, все друг у друга учатся, и люди и народы <...> Дурно было бы не то, что мы у кого-нибудь учились ей, а дурно было бы то, если б оказалось, что мы плохо учились, более занимаясь квадратурой круга или изыскания способы, как бы устроить торжественную встречу параллельных линий (курсив мой. — Г. Ф.) <...> Мы говорим о народе, о его коренных началах и не замечаем того, что становимся ягруппкой самой злой проищи: чем более мы толкуем о народе и его началах, тем более отходим от народа и от его начал, и чем более предаемся искапаниям какой-то почвы, тем более теряем всякую почву у себя под ногами».⁷

Англоман Катков не только верпо почувствовал стихийный демократизм позиции Достоевского, проявившийся, несмотря на всю ее противоречивость, в статьях журнала «Время», — демократизм, глубоко урствивший Каткову. Последний сделал в своей статье ошибку, которая сегодня очевидна для каждого школьщика. В эпоху Лобачевского и Римана (идеи которого, впрочем, в то время еще не были высказаны в печати) Катков высмеял мысль о возможности встречи в пространстве параллельных линий как мысль абсурдную и беснотвенную. И Достоевский, как можно полагать, не забыв подемического выпада Каткова. Выражение своих идей о наличии у русского народа своих, веками сложившихся «народных начал» романист перенес... на страшицы журнала Каткова «Русский вестник». А мысль о возможности встречи параллельных линий в пространстве (хотя бы она и противоречила знаменитому постулату Эвклида) Достоевский вложил в уста Ивана Карамазова в последнем, величайшем своем романе. В статье Е. И. Кыико, помещенной в настоящем сбор-

нике, тщательно исследованы источники этих рассуждений Ивана.

В исследовательской литературе о Достоевском в последние десятилетия не раз ставился вопрос о тех мотивах философских, исторических и нравственных идей Достоевского, которые обнаруживают внутреннюю близость к идеям немецкой классической философии конца XVIII—начала XIX в., и в частности к философским идеям Гегеля. Вопросу этому посвящены работы В. Я. Кириотина, Ю. Ф. Карякина, В. В. Колкина, равно как и многих зарубежных ученых.⁸

В этой связи, думается, следует напомнить о знаменитом письме Гегеля к его поклошнику, русскому офицеру Борису фон Иксюлю, от 28 ноября 1821 г., во многом предвосхищающем философско-исторические идеи как русских славянофилов 30—40-х гг. XIX в., так и Достоевского 60—70-х гг. Письмо это было впервые опубликовано в 1844 г. первым биографом великого немецкого философа К. Розенкранцем; однако вполне возможно допущение, что содержание его могло стать известным основоположникам русского славянофильства уже раньше — Иксюль провел последние годы жизни в Эстляндии и Лифляндии и мог быть лично знаком с Н. М. Языковым, а также и с кем-либо из ранних славянофилов.

«Вы счастливы тем, — писал Гегель в этом знаменитом письме своему молодому другу, одному из любимых своих учеников (сделанные которым записи лекций Гегеля по эстетике Гото использовал в 30-х гг. при подготовке первого посмертного издания курса Гегеля по эстетике), — что имете отечество, занимающее столь огромное место во всемирной истории, отечество, которому, без сомнения, предстоит еще гораздо более высокое назначение. Другие современные государства как будто бы уже достигли цели своего развития, быть может, кульминационный пункт некоторых из них находится уже позади, и форма их приобрела постоянный характер, тогда как Россия, будучи уже, пожалуй, наиболее мощною силою среди остальных государств, заключает в своих недрах неограниченную свободу развития своей интеллигентной природы».⁹

Эти слова Гегеля о России и ее историческом будущем несомненно должны были imponировать не только Киреевскому, Хо-

⁸ См.: *Belzer G. Hegel en Dostoievsky*. Leiden, 1953; *Tschizewskij D. Hegel in Rußland*. — In: *Hegel bei den Slaven*. Darmstadt, 1961, S. 288, 349—350 (см. также по указателю); *Carr E. H. Dostoevsky, 1821—1881*. London, 1962, p. 198—199; *Jackson R. L. Dostoevsky's quest for form*. New Haven; London, 1966, p. 204—209; *Rice M. P. Dostoevskii's Notes from the Underground and Hegel's «Master and Slave»*. — *Canad. Amer. Slavic Studies*, Fall 1974, VIII, 3, p. 359—369; *Neuhäuser R. Das Frühwerk Dostojewskijs*. Heidelberg, 1979, S. 214 ff. (см. также по указателю).

⁹ *Фишер К. История новой философии*. М.: Л., 1933, т. 8. Гегель, т. 1, с. 90—91. См. также: *Rosenkranz K. G. W. F. Hegel's Leben*. Berlin, 1844, S. 304—305; *Briefe von und an Hegel*. Berlin, 1970, Bd 2, S. 297—298.

⁷ Рус. вестн., 1863, № 5, с. 398—419. Ср.: *Тупицманов В. А. Творчество Достоевского 1854—1862*. Л., 1980, с. 230—281.

мякову, К. Аксакову, но и Белинскому, Герцену, Достоевскому. В частности, по своему общему пафосу они чрезвычайно близки к сравнительной оценке национального характера современных Достоевскому француза, австрийца, англичанина и русского в романе «Игрок».

Весьма любопытно также сопоставить с рядом широко известных размышлений Достоевского в «Записках из подполья», «Преступлении и наказании», «Дневнике писателя», «Братьях Карамазовых» об истоках зла в личной и общественной жизни, наряду с уже рассматривавшимися в этой связи страницами «Феноменологии духа», «Эстетике», «Лекций по философии всемирной истории» и «Философии права» Гегеля, прибавление к параграфу 382 его «Философии духа»:

«... отрицание, противоречие, раздвоение, — пишет здесь Гегель, — все это принадлежит (...) к природе духа. В этом раздвоении содержится возможность страдания (...). Столь же мало, как и страдание, приходит извне к духу также и зло — отрицание в себе — и — для — себя — существа бесконечного духа; зло, напротив, есть не что иное, как дух, ставящий себя на острие своей обособленности. Поэтому даже в отрыве от корня своей в себе существующей нравственной природы (курсив в обоих последних случаях мой. — Г. Ф.), в этом полнейшем противоречии с самим собой, — дух все же остается тождественным с собой в потому свободным (...). Дух обладает силой сохраняться и в противоречии, а следовательно, и в страдании (...). Обыкновенная логика ошибается (...), думая, что дух есть нечто, всецело исключяющее из себя противоречие. Всякое сознание, напротив, содержит в себе некоторое единство и некоторую разделенность и тем самым противоречие (...).¹⁰ И несколькими строками выше: «Истина (...) делает дух свободным; свобода делает его истинным. Свобода, однако, духа не есть независимость от другого, приобретенная вне этого другого, но свобода, достигнутая в этом другом, — она осуществляется не в бегстве от этого другого, но посредством преодоления его».¹¹

У нас нет прямых доказательств того, что Достоевский читал гегелевскую «Энциклопедию философских наук» (и, в частности, «Философию духа»). Тем более примечательным, заслуживающим дальнейшего пристального изучения представляется нам близость мысли Гегеля о зле как о человеческом «духе», ставящем себя на «острие своей обособленности», и гениального художественного выражения той же идеи автором «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых».

¹⁰ Гегель. Соч. М., 1956, т. 3, с. 41.

¹¹ Там же.

Изучение жизни и творчества Достоевского в последнее время приобретает у нас все более широкий размах. Вместе с литературоведами к анализу романов Достоевского все чаще начинают обращаться советские философы, социологи, историки общественной мысли; рука об руку с учеными старшего поколения выступают молодые талантливые исследователи. Марксистско-ленинская научная методология дает прочную основу для изучения творческого наследия великого русского писателя во всем его объеме. Наряду с биографией Достоевского, творческой историей его произведений, их восприятием современниками, различными аспектами их художественной структуры, мировоззрением писателя, его стилем и языком большое место в современных исследованиях закономерно занял вопрос о жизни Достоевского в веках, об общественной борьбе вокруг его наследия, о его влиянии на литературу и духовную жизнь нашего века.

Все это делает насущным создание очерка, освещающего исторический путь, пройденный русской и советской наукой в области изучения и истолкования наследия Достоевского. Институт русской литературы АН СССР намерен в ближайшие годы приступить к осуществлению такого очерка, который составит часть задуманной нами книги «Достоевский. Итоги и проблемы изучения» (близкой по своему типу к аналогичной книге об итогах и проблемах пушкиноведения, изданной Пушкинским Домом в 1966 г.). Пока же, до его создания, хочется поделиться несколькими личными воспоминаниями, которые, как мне представляется, могут не только иметь интерес для современной научной молодежи, но и послужить материалом при работе над летописью развития нашей филологической науки. Начну с нескольких слов о себе.

Романы Достоевского потрясли меня еще тогда, когда мне было 12—13 лет и я в страстном упоении поглощал одно за другим издания сочинений русских классиков, богатое собрание которых (главным образом в изданиях А. Ф. Маркса) хранилось в книжном шкафу моих родителей.

В школьные годы я горячо спорил с преподавательницей русской литературы в старших классах нашей школы А. В. Кравченко, находившейся в плену вульгарно-социологических концепций 20-х гг. В своем сочинении, прочтенном вслух на уроке по литературе, я — к ее ужасу — охарактеризовал убийцу Раскольникова как тип предельно некрепкого и страстного в своих исканиях русского человека, наделенного громадными сокровищами ума и сердца, исполненного, в моем представлении, редчайшей притягательной силой и обаянием.

Вскоре мне выпало на долю редкое счастье увидеть в Большом зале Ленинградской консерватории на сцене «Братьев Карамазовых» с Луцким, Москвиным, Леонидовым, Качаловым, а примерно через год — услышать в Большом зале Ленинградской филармонии вдохновенную речь о Достоевском А. В. Лупачарского, произнесенную в качестве вступительного слова к кон-

церту артистов МХАТа, концерту, в котором участвовали те же Лужский, Качалов, Москвин, Корешева, Елаиская, Тарасова и другие. Образы Лужского в ролях Федора Павловича и Свидригайлова, Москвина в роли Снегирева и Качалова в сцене беседы Ивана с чертом (которую я многократно слышал в концертном исполнении) до сих пор как живые стоят перед моими глазами.

В студенческие годы мне удалось заразить моим энтузиазмом к Достоевскому своего самого близкого университетского товарища — Я. Л. Бабушкина, сыгравшего впоследствии в качестве духовного руководителя Ленинградского радиокомитета громадную роль в культурной жизни Ленинграда в суровые и героические дни блокады нашего города немецко-фашистскими захватчиками.

Живо помню, как мы оба были рады, прочитав следующие — ныне давно забытые — строки рано умершего Я. Ильина из выступления к книге «Люди Сталинградского тракторного» (открывшей задуманную по инициативе А. М. Горького и оставшуюся, к сожалению, незавершенной серию «История фабрик и заводов»):

«Лучшие писатели всех времен и народов — Сервантес, Бальзак, Флобер, Стендаль, Достоевский, Толстой, Горький — анализировали своими произведениями современное им общество. Все эти рассказы о людях, к чему-то стремящихся, чем-то выделяющихся из окружающей среды, об искателях правды, о мечтателях, бродягах и „неустрашенных душах“, начиная от их гениального родоначальника Идадьго Дон-Кихота вплоть до купеческого сына Фомы Гордеева, — все они входят гигантскими главами в единую повесть о неустрашенном человеке в прежних общественных укладах, изложенную десятками и сотнями лучших умов человечества <...> Федор Достоевский острее и болезненнее всех отразил жизнь этих людей в своих книгах. Униженность и разорванность сознания, чувство колоссального одиночества мы видим и в Макаре Девушкине, и в братьях Карамазовых, и в Николае Ставрогине. Они искали счастья, искали богатой жизни, искали прежде всего в личной и семейной жизни, ибо в общественной жизни не находили его, гиперболизировали личные переживания и семейные коллизии и в этом видели истинное счастье, и когда этого счастья не находили ни в общественной, ни в личной жизни в силу разных причин, то либо горячо протестовали, либо смирялись и под конец жизни после неистощимого количества гадостей, тоски и скуки говорили: „А все-таки жизнь хорошая штука“ («Жизнь» Мопассана)».¹²

Это мнение Я. Ильина мы в то время глубоко разделяли — и, пожалуй, я и сегодня готов подписаться под приведенными его словами.

Имя одного из ленинградских ученых мне хочется назвать, вспоминая путь моего научного самоопределения в качестве ученого-«достоевиста», особо. Это — имя А. С. Долинина, в течение многих лет возглавлявшего изучение Достоевского в Ленинградском гос. университете и Пушкинском Доме. А. С. Долинин был к тому же и первым специалистом по Достоевскому, с которым мне пришлось лично встретиться в моей жизни. Это было в 1934 г., когда на филологическом факультете Ленинградского университета (тогда именовавшемся ЛИФЛИ) были объявлены спецсеминары П. К. Пиксанова по Пушкину, В. В. Гиппиуса по Гоголю, А. С. Долинина по Достоевскому, С. Д. Балухатого по Чехову. Сам я тогда переживал увлечение Гоголем, а потому записался в семинар В. В. Гиппиуса. Но в свободные от занятий часы часто бывал в семинаре А. С. Долинина. Признаюсь, что привлекал меня сюда не только предмет изучения — Достоевский, интересовавший меня еще в студенческие годы, но и личность руководителя семинара. В отличие от суховатого, несколько академического тона, который господствовал на занятиях у Гиппиуса, на семинаре А. С. Долинина царил атмосфера живой непринужденности. Считаю Достоевского первым писателем-плетесом в русской литературе и относясь к его личности и его произведениям с горячим энтузиазмом, Долинин, тем не менее, охотно допускал споры, разноречие в понимании и оценке своего любимого писателя. Но, пожалуй, еще больше привлекала на семинарах Долинина любовь руководителя к молодежи. Он охотно задерживался после занятий, серьезно и внимательно выслушивал мнения студентов, горячо и увлеченно спорил с ними, развивая свои собственные взгляды, но и всегда был готов оценить каждое новое, свежее наблюдение. С Достоевского нередко разговор переходил на вопросы современной литературы — например, на книги К. А. Федина, с которым Долинин дружил и переписывался, или С. Н. Сергеева-Ценского, которого он высоко ценил.

После Великой Отечественной войны А. С. Долинин продолжал проявлять постоянный интерес ко всему, что касалось Достоевского. В 1950 г., когда Л. Ф. Денисова в качестве заведующей редакцией литературы Большой советской энциклопедии заказала мне статью о Достоевском для второго издания БСЭ, Долинин уговорил меня взяться за это ответственное поручение. Первоначальный текст статьи понравился моему учителю, но под влиянием разноречивых рецензий ее «заредрактировали», и мы оба остались недовольны ее исправленным — на основании предложений моих рецензентов: В. В. Ермилова, Д. Я. Заславского, В. С. Незаевой и Л. П. Погожевой — текстом (хотя, при всех ее недостатках, она, думается, все же знаменовала в одном отношении, как мне представляется сегодня, известный поворот в истолковании Достоевского: мои предшественники выдвигали обычно в качестве главного критерия при оценке воззрений Достоевского его верность (или неверность) комплексу идей Беллинского и «натуральной школы». Я же в своей статье постарался подчеркнуть

¹² Ильин Я., Галин В. Вступление. — В кн.: Люди Сталинградского тракторного. 2-е изд. М., 1934, с. 134.

в первую очередь антибуржуазный пафос творчества Достоевского, определивший напряженность, а вместе с тем — и трагические черты его духовных исканий и обусловивший особый характер и место реализма Достоевского в истории русского классического реализма).

Вспоминая о вкладе в изучение Достоевского старшего поколения ученых Пушкинского Дома, которых мне довелось знать лично, наряду с именами А. С. Долинина, В. Л. Комаровича, Б. В. Томашевского, нельзя не упомянуть имени и другого моего университетского учителя — В. А. Десницкого. В 1955 г. издательство «Художественная литература» (в то время Гослитиздат) начало подготовку к выпуску десятитомного (вначале оно должно было иметь 12 томов) Собрания сочинений Достоевского, которое, как известно, начало выходить в 1956 г. и явилось первым опытом комментированного издания основных его произведений. Предварительная работа над ним велась в Ленинграде. В. А. Десницкому, А. С. Долинину и мне было поручено совместно составить проект этого издания и научно-текстологическую инструкцию к нему. В течение двух-трех месяцев мы несколько раз собирались на квартире В. А. Десницкого, совместно обсуждали и редактировали эти документы. Десницкий принимал очень живое участие в наших обсуждениях. Особенно настойчиво он хотел, чтобы в издание Гослитиздата вошел ряд разделов из «Дневника писателя»: пожелание это из-за ограниченности листажа десятитомника удалось позднее выполнить лишь частично. Мы предвидели это и именно поэтому вместо десяти томов первоначально запланировали двенадцать, добавив том фрагментов из «Дневника писателя» и том избранных писем.

Уже с середины 1950-х гг., когда у нас в послевоенное время начался новый этап изучения Достоевского, важную инициативу в подготовке условий для более широкой пропаганды его наследия в Ленинграде, наряду с научными учреждениями, стало играть Управление по делам культуры при Исполкоме Ленинградского Совета депутатов трудящихся. В 1955 г. в Институт русской литературы обратился зав. отделом охраны памятников Управления культуры Б. Н. Калинин с просьбой составить для Отдела охраны подробную справку об адресах тех квартир, где Достоевский жил в разное время в Петербурге. Аналогичные справки Отдел охраны памятников составлял о местах жизни в Ленинграде и других писателей-классиков. После того как справка о местах жительства Достоевского и описание его квартир были мною составлены, Б. Н. Калинин в заключение разговора спросил меня, где, по моему мнению, было бы целесообразно в будущем открыть в Ленинграде мемориальный музей Достоевского. Оба мы уже тогда пришли к выводу, что музей наиболее целесообразно развернуть в последней квартире писателя на углу улицы Достоевского и Кузнецкого переулка. А. А. Прокофьев (как тогдашний секретарь Ленинградского отделения Союза писателей) и А. С. Бушмин (в качестве директора Пуш-

кинского Дома согласились выступить в качестве инициаторов создания будущего музея. За их подписями мною была составлена первая бумага о желательности открытия в Ленинграде музея Достоевского, адресованная в партийные и государственные органы. Позднее, уже в 1960-х гг., в Пушкинском Доме в течение долгого времени велось детальные деловые обсуждения проекта будущего музея. В них участвовали Б. Н. Калинин, А. И. Хватов, А. Ф. Достоевский, П. Н. Фолякова и архитекторы, принимавшие участие в разработке проекта. Вначале последние склонялись к мысли ограничить музей двумя-тремя комнатами чисто мемориального характера, но затем представитель Гипротейтра Г. В. Пионтук выдвинул более обширный и смелый план, поддержанный Пушкинским Домом и положенный в основу окончательного проекта, одобренного тогдашним председателем Исполкома Ленсовета А. А. Сизовым.

Последнее воспоминание, которым мне хотелось бы поделиться в этих разрозненных заметках, — о начале академического Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского. Поскольку мне известно, мысль о необходимости такого издания возникла в кругу московских ученых. В январе 1962 г. вопрос об этом обсуждался отделом русской классической литературы Института мировой литературы АН СССР им. А. М. Горького. Но, несмотря на защиту идеи академического издания рядом сотрудников отдела (в том числе В. С. Нецаевой), после длительного обсуждения вопроса отдел решил, что он не имеет пока достаточных научных сил, чтобы в ближайшее время приступить к изданию Достоевского. Тогда Д. С. Лихачев предложил научной общественности Пушкинского Дома взять подготовку издания на себя. Его инициатива была поддержана группой ученых, в том числе М. П. Алексеевым, Н. И. Конрадом, В. В. Виноградовым, В. Г. Базазовым, П. Н. Берковым, Н. Ф. Бельчиковым, А. С. Долиным, Л. И. Тимофеевым, А. И. Ревякинским, Г. М. Фридрихером. И у Отделения литературы и языка и у Президиума Академии наук СССР наше предложение встретило полную поддержку. 28 июня 1965 г. тогдашним Председателем Редакционно-издательского совета Академии наук СССР академиком В. А. Кириллиным было подписано решение об издании академического собрания сочинений и писем Ф. М. Достоевского в 30 томах. Так родилось академическое издание сочинений Достоевского, а вместе с тем и его спутники — сборники «Достоевский. Материалы и исследования». Хочется горячо надеяться, что все эти начинания сыграли свою положительную роль в развитии нашей великой советской культуры и что мы сумеем передать ту почетную эстафету в деле изучения наследия Достоевского, которую мы приняли из рук своих предшественников — Величко, Герцена, Луначарского, а также Долинина, Бахтина, Виноградова, Гроссмана, Комаровича и других, — в руки нового, молодого поколения советских ученых.